

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А.М.Голдобин

НАЦИОНАЛЬНО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ
БОРЬБА НАРОДА
ЕГИПТА

1918-1936 гг.

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1989

ББК 63.3 (6 Ег)
Г60

А. М. ГОЛДОБИН И ЕГО МОНОГРАФИЯ

Рецензенты:

Р. Г. ЛАНДА, О. Г. БОЛЬШАКОВ, М. С. ЛАЗАРЕВ

Ответственные редакторы

Б. Г. СЕЙРАНЯН и В. С. КОШЕЛЕВ

Автор вступительной статьи

Б. Г. СЕЙРАНЯН

Комментарии

В. С. КОШЕЛЕВА

Утверждено к печати Институтом востоковедения АН СССР

Голдобин А. М.
Г60 Национально-освободительная борьба народа Египта. 1918—1936 гг.— М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989.— 327 с.
ISBN 5-02-016432-1

Книга безвременно ушедшего из жизни талантливого арабиста Алексея Михайловича Голдобина, являющаяся плодом его многолетних исследований, представляет собой первую советскую работу, посвященную начальному этапу новейшей истории Египта. На основе многочисленных и разнообразных источников автор исследует социальную и экономическую структуру Египта, обусловившую своеобразие первого этапа борьбы за независимость, показывает изощренность и либеральность английской колониальной политики, анализирует роль египетской буржуазии в национально-освободительной борьбе и значение этой борьбы для будущего ниспровержения колониального ига. Строгое научное объяснение движущих сил освободительного движения сочетается с яркими характеристиками ведущих его деятелей.

Г 0503000000-208
013(02)-89 129-89

ББК 63.3 (6 Ег)

ISBN 5-02-016432-1 © Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1989

Прелагаемая вниманию читателя книга безвременно ушедшего из жизни Алексея Михайловича Голдобина «Национально-освободительная борьба народа Египта в 1918—1936 гг.» является плодом всей его научной деятельности, итогом исследований, раздумий, наблюдений и открытий на протяжении более четверти века. Она посвящена весьма важной, чрезвычайно сложной и малоразработанной теме. Именно в период между двумя мировыми войнами в условиях нараставшего антиимпериалистического движения зародились и сформировались те классовые, общественные и политические силы, которым предстояло сыграть определяющую роль в жизни Египта.

Ни один исследователь до А. М. Голдобина не брался за решение столь ответственной и масштабной задачи. Западная, советская и египетская арабистика к рубежу 50—60-х годов располагала разысканиями, посвященными лишь отдельным проблемам и вопросам, хронологически ограниченным узкими рамками. Что же касается сводных работ, то они были написаны преимущественно по материалам египетской прессы и по воспоминаниям участников событий.

Западная буржуазная историография вплоть до 60-х годов уделяла мало внимания национально-освободительному движению арабских народов, сосредоточившись главным образом на исследованиях, посвященных политике Англии в Египте, а также на публикации мемуаров отставных колониальных чиновников.

Среди арабских ученых выделяются Абд ар-Рахман ар-Рафии и Амин Сайд, научная деятельность которых началась задолго до революции 1952 г. Оба они не получили специального исторического образования и принадлежали к тому поколению арабских ученых, которые, с одной стороны, еще не полностью порвали с традиционными методами, приемами и даже манерой изложения арабских хронографов и историографов, а с другой — испытывали влияние современной западной буржуазной исторической науки. Их труды отличают богатство и достоверность фактического материала. Написаны они с патриотических позиций, и главное внимание в них уделено вопросам национально-освободительного движения. Несмотря на огромную эрудицию и отличное владение материалом, как историки они, в сущности, были дилетантами¹.

Проблемы освободительной борьбы в арабских странах, в первую очередь в Египте, всегда были в центре внимания историков-марксистов. Советские ученые создали много работ по истории антиимпериалистического движения в Египте начиная с истоков и вплоть до его бурного разлива в 40—50-е годы, в период крушения колониальной системы. Среди этих работ особое место занимает широко известная за рубежом и у нас книга Ф. А. Ротштейна «За-

хват и закабаление Египта»². Следует отметить также работы Х. И. Кильберг и В. Б. Луцкого. Однако Ротштейн и Кильберг касаются лишь первого послевоенного подъема борьбы Египта за независимость (1918—1924), а Луцкий создал университетский курс новейшей истории Египта (1918—1961), в котором вопросы национально-освободительного движения не выходят за рамки систематического изложения учебного материала. Отдельные проблемы истории Египта разрабатывались в трудах советских ученых, публицистов и практических работников 20—30-х годов (В. Абузям, Авигдор, М. Н. Аксельрод, В. А. Гурко-Кряжин [Кряжин], С. Майзель, К. М. Трояновский, А. Шами) и 40—60-х годов (Ф. М. Ацамба, Л. Н. Ватолина, А. Ф. Искандеров, Н. Г. Калинин, Ш. Н. Курдгелашвили, Л. А. Фридман).

А. М. Голдобин шел к созданию своего фундаментального труда на протяжении всей научной деятельности. Уже первое его исследование — «Английские колонизаторы в Египте и мартовское восстание 1919 г.», защищенное в качестве кандидатской диссертации, определило главное направление его научных интересов. Основной темой стала освободительная борьба египетского народа против британского колониального господства. В последующие годы, шаг за шагом расширяя хронологические рамки исследования и углубляя свои представления по узловым проблемам, он опубликовал множество статей и значительное количество рецензий на наиболее важные советские и зарубежные работы по данной проблематике; кроме того, этой теме был посвящен ряд его докладов на всесоюзных конференциях арабистов, а также несколько интересных выступлений перед востоковедной аудиторией Ленинграда и Москвы.

Монография «Национально-освободительная борьба народа Египта в 1918—1936 г.» охватывает почти двадцатилетний период египетской истории, полный внутреннего напряжения и насыщенный драматизмом. Она начинается с описания событий, обстоятельств и факторов, приведших к общенациональному восстанию 1919 г., и завершается анализом причин заключения англо-египетского договора 1936 г., которыйоказал значительное воздействие на дальнейшие судьбы страны и, несмотря на неравноправный характер, явился важной вехой на пути достижения страной полного суверенитета. В результате впервые в советской и зарубежной историографии был создан капитальный труд по истории Египта в период между двумя мировыми войнами.

Однако судьба автора и его главного детища оказалась трудной и даже трагической.

* * *

Алексей Михайлович Голдобин родился 24 июня 1924 г. в Пскове. Его отец, Михаил Алексеевич, происходил из бедной крестьянской семьи, жившей в селе Великое Ярославской губернии; до революции он был народным учителем, после 1917 г. преподавал в средних школах в Пскове и Ленинграде. Мать, Ирина Марковна, дочь псковского ремесленника-еврея, работала учительницей, затем библиотекарем. Объединению полюбивших друг друга молодых учителей мешали предрассудки и укоренившиеся взгляды их ближайших родственников, решительно препятствовавших их союзу в силу религиозно-этнических различий. Однако, пройдя через ряд испытаний и преодолев все препятствия, они навсегда связали свои судьбы.

Михаил Алексеевич был энциклопедически образованным, высоконравственным человеком, одаренным воспитателем молодого поколения. Интересное

свидетельство о нем приводится в автобиографической трилогии В. А. Каверина. Студент Псковского учительского института (уже в то время имевший репутацию требовательного преподавателя) был приглашен в качестве репетитора для подготовки десятилетнего Каверина в приготовительный класс гимназии. Общение со студентом в потертой чистой тужурке и в неизменной ситцевой косоворотке, который не только сам зарабатывал себе на жизнь, но и «еще помогал своим деревенским родителям», произвело на мальчика неизгладимое впечатление. Талантливый воспитатель оказал сильное влияние на умственное и нравственное развитие будущего писателя. «Я вскоре влюбился в Михаила Алексеевича... — пишет Каверин. — Впервые мне захотелось быть тем, кем я был, а казаться тем, кем я на самом деле не был»³.

Известно, что вопрос о роли кооперации в первые годы Советской власти не был достаточно разработан. Большинство теоретиков и практиков не отдавали себе отчета в том исключительном значении, которое приобретала кооперация в период формирования основ социалистического хозяйства, особенно в условиях тогдашней России. Прояснение наступило лишь с публикацией двух статей В. И. Ленина «О кооперации». В связи с этим небезынтересно отметить, что Михаил Алексеевич по достоинству оценил значение кооперации в условиях нэпа: в 1922 г. он выпустил в Пскове брошюру под названием «Идите в кооперацию».

В 1926 г. семья переехала в Ленинград. Алексей Михайлович рано, уже в школьные годы (1931—1941), осознал свое призвание историка и подчинил ему всю жизнь.⁴

Летом 1941 г. он поступил на исторический факультет Ленинградского университета. В августе 1941 г. находился на оборонных работах под Новгородом, затем до августа 1942 г. работал в эвакогоспитале. В марте 1942 г. во время блокады Ленинграда умер отец. В августе этого года Алексей Михайлович был призван в армию. С января 1943 г. и вплоть до окончания войны он служил в танковых частях стрелком-радистом и радиистом. Участвовал в боях на Ленинградском фронте, в операциях под Аяненковом и после снятия блокады на Нарвском плацдарме, на Карельском перешейке и в Эстонии. В августе 1943 г. был тяжело ранен, после излечения вернулся в свою часть. В декабре 1944 г. танковая бригада, где служил Голдобин, была переведена на 2-й Белорусский фронт. Он участвовал в сражениях в Восточной Пруссии, под Данцигом, на Одере. После окончания войны в 1945—1946 гг. служил в Германии и Польше переводчиком в отделе контрразведки бригады. За участие в военных действиях был награжден пятью медалями.

В марте 1946 г. Алексей Михайлович был демобилизован и в том же месяце восстановлен на историческом факультете ЛГУ. Параллельно он стал заниматься на арабском отделении Восточного факультета, а в 1949 г. был вообще переведен на Востфак.

Уже в студенческие годы Голдобин проявил большие способности к научной работе. На втором курсе он вступил в научное студенческое общество и с этого времени не раз делал доклады на студенческих конференциях. Одновременно он стал активно участвовать в лекторской работе. В 1949 г. студент четвертого курса А. М. Голдобин получил стипендию им. И. В. Сталина — чрезвычайно редкое в те времена поощрение. В 1950 г. Голдобин окончил Востфак ЛГУ с отличием по специальности «арабист-историк». В том же году был принят в аспирантуру по кафедре «История стран Ближнего Воста-

ка». Его учителями были крупнейшие советские востоковеды — И. Ю. Крачковский (рекомендовавший его в аспирантуру и ставший его первым научным руководителем), И. П. Петрушевский, А. Ю. Якубовский, М. В. Чураков, в аспирантские годы он пользовался консультациями В. Б. Луцкого. За годы учебы в аспирантуре Алексей Михайлович подготовил оригинальную диссертационную работу, которая получила высокую оценку специалистов и была успешно защищена в ноябре 1953 г.

Наряду с незаурядными способностями к научной работе рано обнаружилась и склонность к преподавательской деятельности. С первого же года пребывания в аспирантуре Алексей Михайлович стал нештатным преподавателем кафедры Ближнего Востока. К лекциям и семинарам он готовился тщательно, часто по первоисточникам, проявив редкое умение ясно, четко и в то же время образно излагать материал. В октябре 1953 г. был принят на работу в Ленинградский университет в качестве ассистента кафедры истории стран Ближнего Востока. В 1960 г. Алексей Михайлович получил звание доцента.

Еще будучи ассистентом, Голдобин стал основным преподавателем на отделении истории арабских стран. Постепенно он разработал обширный общий курс истории арабских стран в средние века, в новое и новейшее время.

В начале 60-х годов он приступил к чтению нового для нашей страны курса лекций на тему: «Политический и экономический строй арабских стран». Этот курс непрерывно обновлялся и углублялся.

Но, разумеется, наибольший интерес представлял спецкурс по истории Египта. Историю этой важнейшей страны арабского мира Голдобин знал особенно глубоко, тонко понимая и чувствуя специфику исторического процесса и общественных отношений в долине Нила. Спецкурс, построенный на первоисточниках и современной литературе, был посвящен не только политической, но и социально-экономической истории, он содержал также очерки развития общественной мысли и культуры. Во второй половине 60-х годов Алексей Михайлович организовал и вел на Восточном и историческом факультетах занятия по чтению арабских исторических текстов.

Глубокие знания сочетались у Алексея Михайловича с умением представлять исторический процесс в типических фактах и ярких образах⁵. Он был не только историком яркого дарования, но и лектором, как говорится, от бога.

В 50—60-е годы Алексей Михайлович был одним из лучших лекторов Восточного факультета. Анна Аркадьевна Долинина отмечает, что ему от природы был присущ дар слова, он был великолепным и остроумным рассказчиком. Учиться лекторскому мастерству, вспоминает она, ему не надо было — оно пришло к нему сразу. Анна Аркадьевна рассказывает об одной из первых лекций, которую ему, аспиранту, поручила прочесть кафедра в качестве педпрактики: «Помню, перед второй или третьей (в жизни) лекцией Алексей Михайлович попросил меня: „Приходи хоть ты по дружбе, посмотрю, как это выглядит со стороны, а то с кафедры так никто и не пришел послушать“». Я пошла и была просто потрясена: Алексей Михайлович стоял в большой аудитории, но не за кафедрой даже, а так, возле кафедры, небрежно облокотясь, смотрел прямо в зал, слегка улыбался,— никому и в голову прийти не могло, что он волнуется. Он говорил спокойно, не запинаясь, не подыскивая слова, и при этом у него в руках не было ни конспекта, ни плана, все прямо из головы. Мысль развивалась последовательно, логично, все факты, цитаты,

анекдоты на нее как бы нанизывались. Помню, меня поразило, как хорошо вписалась у него в рассказ о походе Ибрахим-паши против ваххабитов „Песнь арабского солдата“, изданная некогда И. Ю. Крачковским. Реакция моя на эту лекцию состояла из смеси восторга и отчаяния: я понимала, что такого мастерства не скоро достигну, а может быть, и никогда».

Лекции Алексея Михайловича, по свидетельству его коллег, пользовались огромной популярностью. Аудитория, где он читал, всегда была полна. Университетские ученики Голдобина проходили хорошую историческую школу. Можно лишь пожалеть, что его университетская деятельность продолжалась лишь в течение 17 лет.

Голдобин остро чувствовал свою сопричастность к истории нашего времени и всю жизнь внимательно следил за происходящими в арабском Машрике и Magrībe событиями. В 60-е годы он подготовил несколько курсов по наиболее актуальным проблемам арабского мира: «Алжирская революция», «Египетская революция 1952 г.», «Политическое развитие Египта после революции 1952 г.», «Экономика Египта», «Современная Сирия», «Революция и гражданская война в Йемене» и др. Он принимал самое активное участие в научной жизни Востфака, систематически публикуя статьи в сборниках кафедры Ближнего Востока и часто выступая перед преподавателями кафедры и на научных конференциях с докладами. Так, в 1965—1969 гг. он сделал девять докладов и сообщений.

Особое место в педагогической деятельности Голдобина занимает его участие в подготовке учебных пособий для вузов. Им написаны разделы по арабским странам для «Новой истории стран зарубежной Азии и Африки» (Л., 1959), «Новейшей истории стран зарубежной Азии и Африки» (Л., 1963), «Истории стран Азии в средние века» (М., 1970), «Новой истории стран зарубежной Азии и Африки» (изд. 2-е, Л., 1971) общим объемом около 20 а. л.

Столь плодотворная научно-педагогическая деятельность была бы невозможна без систематической и кропотливой исследовательской работы. В 1958 г. Алексей Михайлович опубликовал свою первую монографию — «Египетская революция 1919 г.» (6 а. л.), а в 1966 г.— раздел, посвященный внешней политике ОАР (7 а. л.), в коллективной монографии «Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке. 1945—1965». Кроме того, в Ученых записках ЛГУ, журнале «Народы Азии и Африки» и коллективных сборниках Института востоковедения АН СССР и Института востоковедения АН Армянской ССР в 1956—1974 гг. им было опубликовано восемь научных статей, посвященных преимущественно новейшей истории Египта, общим объемом около 8,5 а. л.

В последние годы научной деятельности Алексей Михайлович приступил к разработке проблем социально-экономического и политического развития египетского города, опубликовав по этой теме в 1978 и 1981 гг. две статьи в сборниках «Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока» и статью в сборнике «Арабские страны. История и современность» (М., 1981).

Особое место в научной деятельности Голдобина занимает рецензирование. С 1955 по 1967 г. им опубликовано большое число рецензий на почти все значительные советские издания в области арабистики (на монографии арабии, две книги В. Б. Луцкого, работу Л. А. Фридмана и др.), а также на III, IV и V тома «Всемирной истории» (в соавторстве). Работа А. М. Гол-

добина-рецензента может служить эталоном добросовестности и принципиальности.

Исключительно высокой оценки заслуживает его работа и в создании Большой советской энциклопедии (для 2-го издания он написал 12 статей, для 3-го — 21 статью) и Советской исторической энциклопедии (27 статей).

Алексей Михайлович был не только талантливым ученым и педагогом, но и блестящим пропагандистом знаний о современном арабском мире. Можно без преувеличения сказать, что он был лучшим лектором-международником Ленинграда по проблемам Ближнего Востока и Северной Африки. В течение 16 лет (1954—1970) он вел активную пропагандистскую работу за пределами факультета, был внештатным лектором-международником Ленинградского обкома и горкома, Василеостровского РК КПСС, Центрального городского лектория Ленинграда. Он много выступал на заводах и в воинских частях. Признанием его заслуг в качестве лектора-пропагандиста было его избрание членом методического совета при Отделе агитации и пропаганды ЛГК КПСС, неоднократное награждение почетной грамотой общества «Знание» РСФСР. В период активной лекторской работы он издал брошюру «Социально-экономическое развитие арабских стран» (М., 1966) объемом 2 а. л. Следует отметить также деятельность Голдобина в качестве международного комментатора газеты «Ленинградская правда», в которой с 1951 по 1970 г. он опубликовал несколько десятков статей по проблемам современного Востока.

Много внимания уделял Алексей Михайлович и общественной работе. В 1959 г. он стал членом КПСС и в последующие годы многократно избирался членом партбюро и заместителем секретаря партийного бюро Восточного факультета ЛГУ. В 1965—1968 гг. был парторгом кафедры истории стран Ближнего Востока, а в 1969/70 учебном году был председателем комиссии по проведению Ленинского зачета на Востфаке.

Научная, педагогическая и общественная деятельность Голдобина складывалась успешно и счастливо: напряженная, но увлекательная и плодотворная научная работа, признание его педагогического таланта, восторженные отзывы студентов о его лекциях и, наконец, неизменный интерес к его лекциям по проблемам современного Ближнего Востока в самых различных аудиториях.

Все роковым образом изменилось в июне 1970 г. По навету недоброжелателей и завистников было составлено «дело Голдобина». Алексей Михайлович был обвинен в том, что, выступая 24 июня 1970 г. по ленинградскому телевидению с анализом положения на Ближнем Востоке, он «преднамеренно отклонился от согласованного текста и, ссылаясь на западную прессу, тенденциозно, с сионистских позиций, осветил положение на Ближнем Востоке, произвольно извратив суть событий». Уже через две недели, 7 июля 1970 г., Бюро Ленинградского обкома КПСС за «грубую политическую ошибку», «а также неискреннее поведение на заседании Бюро обкома» приняло решение исключить А. М. Голдобина из рядов КПСС. Под «неискренним поведением» подразумевалось то, что он не покаялся и не признал полностью своей вины, а попытался оправдаться, доказать свою невиновность. В том же документе, подписанным секретарем обкома Г. В. Романовым, ректорату и парторгаму ЛГУ поручалось «рассмотреть вопрос о возможности дальнейшего использования Голдобина А. М. на преподавательской работе». Алексей Михайлович был немедленно отстранен от преподавания, а некоторое время спустя

был вынужден уйти из университета, как было принято в то время, «по собственному желанию». Затем, по согласованию с обкомом, он был принят в Ленинградский Политехнический институт на должность инженера.

Все предыдущие заслуги — ратные, научные, преподавательские, общественные — были забыты (за два месяца до исключения из партии Голдобин был награжден медалью «В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина»). Конечно, с ним обошлись «гуманно»: он не был ни расстрелян, ни арестован, как это могло бы случиться в годы «великого террора» или «малого террора». Но ученый был подвергнут общественному ostrакизму, получил тяжелую моральную травму, которая имела трагические последствия.

Однако он переводил с английского, немецкого, французского и итальянского языков технические тексты и патенты, овладевал научно-технической терминологией и новой для себя информацией. Эту работу Алексей Михайлович выполнял с присущей ему добросовестностью. Его деятельность на кафедре компрессоростроения не раз отмечалась благодарностями, он был повышен в должности, награжден медалью в ознаменование 30-летия Победы.

В июне 1976 г. по указанию Ленинградского обкома (после очередной апелляции) Голдобин был наконец направлен на работу по специальности — в Арабский кабинет Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Но это была лишь частичная реабилитация, так как 52-летний учений получил должность младшего научного сотрудника. В октябре 1976 г. он был восстановлен в рядах партии без перерыва в стаже, но со строгим выговором «за допущенную в прошлом политическую ошибку».

Шесть тяжелых лет не прошли бесследно. Пережитое крайне отрицательно повлияло на здоровье Алексея Михайловича: в 1978 г. он, инвалид Великой Отечественной войны, имевший до этого III группу инвалидности, был переведен во II группу.

В последний период жизни (1976—1981), несмотря на прогрессировавшую болезнь, Голдобин работал много и плодотворно. В 1977—1979 гг. он завершил свой капитальный труд. Продолжением должна была стать монография «Египет накануне и во время второй мировой войны (1936—1945 гг.)», которую он не успел завершить. Алексей Михайлович скончался скоропостижно, 26 июня 1981 г. Ученый стал жертвой безжалостной партийно-бюрократической машины в условиях отсутствия суверенитета личности.

* * *

Как уже было сказано, основное место в творчестве А. М. Голдобина занимает исследование национально-освободительного движения в Египте от его истоков в XIX в. и вплоть до середины 50-х годов XX в., причем в первую очередь речь идет об углубленном изучении истории борьбы за независимость в период между двумя мировыми войнами. Именно этому периоду египетской истории посвящены главные труды учелого — от кандидатской диссертации и первой монографии до последней фундаментальной работы.

А. М. Голдобин приступил к исследованию истории Египта в то время, когда в нашей науке еще господствовали догматические и во многих отношениях неверные, оторванные от реальной действительности положения VI конгресса Коминтерна по вопросам национальных революций в странах Востока. Однако работа над первой монографией («Египетская революция»

1919 г.) завершалась уже после XX съезда КПСС, решения и дух которого значительно расширили простор для творческой деятельности, в частности позволили освободиться от многих закостенелых и устаревших догм. Необходимо отметить также, что выходу книги предшествовали две статьи В. Б. Луцкого⁶, которые, хотя и не были посвящены специально 20-м годам, свидетельствовали о пересмотре автором разделявшихся ранее им оценок (роли египетской буржуазии), и небольшая монография Х. И. Кильберг⁷, в которой также прослеживается стремление освободиться от выработанных еще в 20-е годы концепций. Эти авторы, сделавшие заметный шаг в изучении расстановки политических и классовых сил в период восстания 1919 г. и в последующие десятилетия, объективно содействовали подготовке исследований А. М. Голдобина⁸. Впрочем, последние отличают гораздо большую глубину и основательность, более широкая источниковая и литературная основа.

Наиболее полно достоинства исследовательского метода А. М. Голдобина проявились в его итоговой монографии. Автор не только значительно расширил хронологические рамки исследования, но и дал более основательную и критическую интерпретацию узловых проблем египетской истории новейшего времени; он, наконец, ввел в научный оборот оригинальный и ценный фактический материал. Монография носит более комплексный и завершенный по сравнению с предшествующими работами автора характер благодаря тому, что содержит обстоятельные главы, посвященные анализу эволюции государственного строя, экономическим и социальным отношениям в Египте в конце XIX — первые десятилетия XX в. Об оригинальности этих «вводных» глав, служащих солидной базой для исследования политической истории, говорит то обстоятельство, что первая из них является единственным в своем роде очерком истории формирования и функционирования английского колониального аппарата, а глава о социально-экономическом развитии носит вполне самостоятельный характер, несмотря на наличие в нашей литературе фундаментальных трудов Л. А. Фридмана⁹.

Голдобин первый в советской науке дал столь полную и разностороннюю характеристику египетской национальной буржуазии и партии Вафд, показал социально-классовую природу руководства общеноциональным восстанием и его эволюцию в последующие десятилетия. Он убедительно показал, что требование полной независимости и идея формирования Вафда (делегации) не были выдвинуты Заглулем, а явились результатом политической ситуации и родились одновременно у нескольких или даже многих лиц. Однако «заслуга вафлистов и Заглула состояла в том, — отмечал Голдобин, — что именно они сумели сделать требование полной независимости целью всего египетского народа».

Анализ, проведенный А. М. Голдобиным на основе большого и в значительной мере нового фактического материала, привел его к опровержению распространенного в те времена в науке представления «о неожиданности и некой импульсивности исходной позиции Заглула» и к отказу от тезиса, согласно которому национальная буржуазия воспользовалась революционной ситуацией, чтобы возглавить начавшееся массовое движение¹⁰. Голдобину впервые в советской историографии удалось показать сложный процесс взаимовлияния, с одной стороны, национальных лидеров, а с другой — руководящего вафлистского ядра и поднимавшегося движения народного протеста. В монографии прослеживается эволюция политики Заглула, приведшая его

к решению апеллировать к народу. Обращение к массам, как и ряд других точно рассчитанных тактических шагов, быстро превратило Заглула в главную политическую фигуру. «Вафлисты помогли массам пробудиться, прийти в движение, активизировали их ненависть к колонизаторам, дали всенародному движению ясную цель, лозунги, программу» и стали выразителями общеноциональных интересов, средоточием всех патриотических сил. Следовательно, вместо упрощенных, схематических положений о том, что буржуазия «поднялась на гребне движения» или была вынуждена возглавить борьбу «под давлением масс» и даже «захватила руководство» (правда, было не ясно, у кого), в монографии эти проблемы выступают во всей сложности и во всем многообразии¹¹.

Не прошел А. М. Голдобин и мимо одного из сложнейших вопросов историографии восстания 1919 г. — вопроса о его организации и руководстве им. Уже в первой работе он не только отмечает отсутствие единого руководства восстанием, но и приводит сведения, свидетельствующие о нежелании руководства Вафда прибегать к насилиственным методам борьбы. В данной монографии основные оценки остались незыблемыми, однако новый фактический материал заставил автора отказаться от некоторых жестких формулировок. «Открытая организация вафлистов, ее секретный филиал, Исполнительный комитет студентов, связанный с Вафдом, — все они вносили лишь некоторые элементы централизации в восстание». Как и в первой своей книге, А. М. Голдобин пришел к выводу о том, что «революционная борьба переросла во время восстания 1919 г. рамки буржуазно-помещичьего руководства... далеко вышла за пределы контроля вафлистов...». Теперь он признал «элементы централизации», подчеркнув одновременно, что восстание осталось «без единого руководства, было стихийным и децентрализованным». Однако теперь он выдвигает на первый план не неумение и нежелание Вафда вести вооруженную борьбу¹², а то, что он «в подавляющем большинстве случаев щел в ходе событий».

Чрезвычайно важен вывод Голдобина о том, что при всей классовой ограниченности и нерешительности деятелей Вафда должна быть отмечена прогрессивная роль, которую сыграла партия в истории египетского освободительного движения. Глубоко аргументированные положения Голдобина о роли национальной буржуазии (как и оценки В. Б. Луцкого) содействовали освобождению от укоренившихся ошибочных положений Сталина о предательстве национальной буржуазии, которая якобы уже давно «выбросила знамя национальной свободы за борт».

Объективная оценка национальной буржуазии позволила учёному определить и роль египетского пролетариата в исследуемое время. Показав возросшее участие пролетариата в борьбе за независимость, Голдобин в то же время отмечает, что последний «был слишком молод, немногочислен, распылен и неорганизован, чтобы претендовать на роль руководителя национальной борьбы».

Монография Голдобина, являясь пионерской во многих отношениях, вносит серьезный вклад в исследование многих сложных и малоизученных проблем; ее отличает более глубокая, аргументированная и обстоятельная по сравнению с трудами его предшественников разработка новейшего периода истории Египта, она точнее отражает существоование вопросов и поднимает наши представления на более высокий уровень познания.

Автор проявил себя как подлинный мастер исторического портрета, создав

целую галерею образов политических деятелей Египта 10—30-х годов, среди которых центральное место занимает яркий и впечатляющий облик Саада Заглула. В работе убедительно показано, что задолго до ставших легендарными событий 1919 г. Заглул благодаря своим выдающимся качествам — глубокому и тонкому уму, неистощимой энергии, редкому чувству реальности, ораторскому дарованию, независимости и смелости суждений, сильной воле — приобрел необычайную популярность. Как никто другой он умел поддерживать тесные связи (иногда даже дружеские) с представителями самых различных политических тенденций (от всесильного британского генерального консула Кромера до лидера радикальной Национальной партии Мустафы Камиля), неизменно сохраняя при этом репутацию честного и прогрессивного человека. Поэтому отнюдь не случайно, что на выборах в Законодательное собрание в 1913 г. он получил поддержку двух соперничавших главных политических партий.

Заняв в начале 1914 г. ответственный пост первого вице-председателя Собрания — самую высокую выборную должность, он вскоре стал руководителем наиболее влиятельной группировки в парламенте. Как только окончилась война, политическая интуиция и опыт подсказали ему, что наступила пора решительных действий. И за самый короткий срок он сумел превратиться из руководителя малочисленной политической группировки в популярнейшего вождя всенародной борьбы.

* * *

Представляя читателю монографию А. М. Голдобина, необходимо сделать ряд пояснений, замечаний и оговорок. Прежде всего, бросается в глаза, что история Египта в 20-е годы разработана в ней гораздо обстоятельнее, полнее и глубже, чем история последующего десятилетия. Иными словами, ощущается незавершенность монографии, тем более что, хотя 1936 год представляет собой, безусловно, веху в истории Египта, не подлежит сомнению, что важнейшим историческим рубежом для страны является 1939 год, т. е. год начала второй мировой войны, ибо от этой даты ведется отсчет нового этапа всемирной истории, в том числе истории Египта, который, хотя официально и не участвовал в войне, был вовлечен в водоворот мировых событий.

К сожалению, судьба распорядилась так, что автору не было отпущено время на окончательную отделку его монографии. Не следует упускать из виду также общее состояние и уровень научных исследований по данной проблематике. В то время как истории Египта 20-х годов посвящены книги и статьи целой плеяды авторов (см. выше), для 30-х годов такой список куда более скучен. Можно отметить лишь исследования Ф. М. Ацамбы, Л. Н. Ватолиной, разделы в университете учебнике, принадлежащие В. Б. Луцкому, Л. А. Фридмана (однако все они в равной степени посвящены истории Египта в 20-е годы) и заслуживающую специального упоминания статью Н. Г. Калинина¹³. Определяющее значение здесь имело то обстоятельство, что в силу хорошо известных причин в 30-е и 40-е годы заметно сократились по сравнению с предшествующим десятилетием масштабы исследований по Египту. К этому следует добавить, что репрессии нанесли арабистике гораздо больший урон, чем потери, причиненные кадрам арабистоввойной.

Наконец, нельзя забывать, что между кончиной А. М. Голдобина и публикацией монографии прошло почти десять лет. Те были годы бурного ра-

вития исследований в области новейшей истории Египта, причем наибольший вклад в это внесли сами египтяне.

Новый период развития исторической мысли в Египте связан с деятельностью профессора Каирского университета Мухаммеда Аниса (1927—1986) и основанного им в 1967 г. Центра документов и исторических исследований современной истории Египта, который начал играть важную роль в публикации источников (египетские и английские архивные материалы, официальные правительственные документы, мемуарная литература и др.), заложив тем самым научную источникющую базу для последующих исследований. Вторым направлением деятельности Центра стала подготовка научных трудов на строго документальной основе. Работы Аниса и его учеников внесли важный вклад в развитие исторической науки в Египте¹⁴.

При подготовке данной монографии А. М. Голдобину оказалась доступной лишь одна из работ Аниса¹⁵. Публикации же Центра 60—70-х годов и изданные в этот период остальные работы Аниса¹⁶, книги его талантливого ученика Абд аль-Азима Рамадана¹⁷, а также основные труды таких известных историков, как Салах Иса¹⁸, Тарик аль-Бишри¹⁹ и Мухаммед Камиль Салим²⁰, значительно расширившие и углубившие наши знания о восстании 1919 г. и о многих узловых проблемах истории Египта, оказались вне поля зрения исследователя, так как отсутствовали в наших книгохранилищах. Автор не смог воспользоваться и трудами одного из наиболее плодовитых и талантливых исследователей левого направления, выпускника Лейпцигского университета, ученика известного немецкого арабиста Лотара Ратмана — Рафаэля ас-Саида²¹. Работы ас-Саида по истории национально-освободительного, рабочего, социалистического и коммунистического движения в Египте не только ввели в научный оборот огромный и интереснейший фактический материал, но и составили целую эпоху в изучении этой важной темы. Наряду с официальными документами и публикациями Египетской коммунистической партии (ЕКП), статьями ее видных деятелей и идеологов они значительно расширили горизонты научного знания, подняли на новый уровень исследования в данной области.

И если работы египетских ученых по истории ЕКП построены преимущественно на материалах подпольной и легальной египетской прессы, то монография Голдобина базируется на материалах, издававшихся в СССР в 20-е годы, книгах и периодических изданиях. Внося большой вклад в изучение этой важной темы, она вместе с тем не свободна не только от неточностей, но и от серьезных ошибок. Поэтому создание научной истории ЕКП не потеряло своей актуальности. Хочется надеяться, что она станет делом обозримого будущего, когда историки получат наконец возможность ознакомиться с пока все еще закрытыми материалами архивов.

Необходимо также отметить, что в 70-е годы был опубликован ряд важнейших работ, посвященных истории общественных классов Египта, прежде всего — традиционного господствующего класса — крупной земельной аристократии. Отметим исследования Асима Десуки — «Крупные землевладельцы и их роль в египетском обществе (1914—1952)» (1975 г.), Али Бараката — «Развитие земельной собственности в Египте 1813—1914 гг. и ее влияние на политическую жизнь» (1977 г.) и Салиха Мухаммеда Салиха — «Аграрный феодализм и капитализм в Египте. От эпохи Мухаммеда Али до эпохи Абдул-Насера» (1979 г.).

Благодаря работам египетских ученых были ликвидированы многие «белые пятна» истории Египта 20—30-х годов. Например, их усилиями (в первую очередь Аниса и Рамадана) было доказано, что деятельность Центрального комитета Вафда носила одновременно легальный и нелегальный характер, а активность тайной организации и каирского клуба высших школ направлялась руководством Вафда, точнее — лично Заглулем. В советской литературе вопрос о борьбе антибританского подполья в 1919—1924 гг. впервые был поставлен Голдобиным²², а в последующие годы более полно и глубоко разработан В. С. Кошелевым, который посвятил ему специальную главу в своей монографии²³.

Исследования последних двух десятилетий позволили дать более полную и объективную оценку партии Вафд, отметить ряд важных черт, отличавших ее от остальных политических образований того периода. В известной мере, разумеется, правильно считать Вафд буржуазно-помещичьей партией. Однако исчертывает ли это традиционное определение всю правду, отражает ли оно реальный и полнокровный образ партии? Конечно, нет. Прежде всего следует отметить, что как политическая партия Вафд родился в огне восстания 1919 г. и органическая связь с этим важнейшим событием обусловила ряд характерных долговременных черт партии, утверждавшей себя в качестве символа национальной свободы: антибританская направленность идеологии и практики; борьба против диктаторских и автократических претензий монарха и дворцовой клики; защита конституции и парламентской системы; последовательный антикоммунизм и секуляризм. В отличие от остальных политических объединений буржуазно-помещичьего блока Вафд сочетал в себе национализм и либерализм с демократизмом.

Присущий партии демократизм, а в определенные периоды и радикализм обеспечивали ей массовую базу и поддержку низов. Лидеры Вафда — Саад Загул, а затем Мустафа Наххас — пользовались в народе безоговорочным авторитетом. Они, безусловно, были яркими представителями борющегося Египта, а их мировоззрение охватывало весь спектр взглядов еще не разделенного третьего сословия — от взглядов национальной буржуазии до эгалитаристских иллюзий мелкобуржуазных, полупролетарских и пролетарских масс. Вафд представлял собой объединение самых разнообразных патриотических сил и, как отмечает ас-Сайд, был одновременно и больше, чем партия (объединение большинства народа), и меньше, чем партия (отсутствие четкой структуры). Умудренное опытом руководство Вафда умело тонко маневрировать и, если нужно, отступать, использовать возникавшие противоречия и разногласия в стане противников; непримиримость по отношению к Англии и двору сочеталась с периодами сотрудничества и союза с ними, а демократизм временами обнаруживал свои пределы. Руководство партии в известной мере отражало настроения крупных и средних помещиков, однако высшие слои земельной аристократии (в значительной части турецкого и черкесского происхождения) предпочитали действовать в составе партий «меньшинства», которые выделялись своим элитарным характером и апеллировали не к улице, а к наиболее образованной и интеллектуальной части общества.

* * *

Написание политического портрета Заглула, как уже отмечалось, следует отнести к безусловным заслугам А. М. Голдобина, однако характеристика

Мустафы Наххаса — преемника Заглула страдает не только односторонностью и неполнотой, но и не свободна от влияния искаженного образа второго выдающегося лидера Вафда, созданного уже в 20—30-е годы английскими авторами. Не избежали укоренившихся в западной науке стереотипов и советские исследователи, в том числе и автор этих строк. Ссылаясь на книгу английского судьи, изданную в 1928 г., когда деятельность Наххаса как лидера партии только начиналась, А. М. Голдобин характеризует его как политического деятеля, который далеко уступал Заглулу и никогда не имел исключительной популярности последнего. Между тем в течение четверти века, с 1927 по 1952 г., Наххас был главной фигурой политической жизни Египта, наибольее популярным лидером. «Король плачет от унижения,— свидетельствует в своих воспоминаниях Д. Кили — когда видит в газетах, что Наххасу оказано большее внимания, чем личности короля»²⁴.

Наххас исповедовал более левые, чем Заглул, взгляды, был более радикальным и демократически настроенным деятелем. В отличие от Саада, отмечает ас-Сайд, его не влекло в сторону класса «айанов» (аристократов), с которым был тесно связан Заглул²⁵. Вафд под руководством Наххаса сохранил старые добрые традиции, продолжал возглавлять борьбу с режимом оккупации, выступая в защиту демократических институтов и конституции, против установления в стране режима диктатуры и террора. Наххас не раз открыто заявлял королю Фуаду, а позже его наследнику — Фаруку: «Вы царствуете, но не управляете, точнее, Вы управляете посредством Ваших министров, которых выбирает народ в соответствии со своей волей»²⁶.

Колониальная администрация ненавидела вафлистов, больше всего Наххаса, и с помощью двора и партий «меньшинства» плела интриги, стремясь добиться отстранения его от власти.

Прошедшие с той поры полстолетия позволяют оценить ту исключительно конструктивную роль, которую играл Наххас в 30—40-е годы в политической жизни Египта. Особенно сложным был для партии период, предшествовавший второй мировой войне, когда Наххас, требуя эвакуации английских войск, в то же время решительно отвергал сотрудничество с державами «оси» и профашистскими силами внутри страны.

В этот период Вафд во главе с Наххасом стоял перед лицом широкого заговора дворцовой камарильи, партий «меньшинства» (жаждавших власти, но не пользовавшихся поддержкой народа), религиозных и профашистских организаций, которые, пользуясь покровительством двора, укрепляли свои позиции и создавали военизированные организации, стремясь запугивать массы и навязать им свою волю. Опасность тоталитарной диктатуры стала реально ощущаться после установления антавафдистскими силами прямых связей с фашистскими государствами. В августе 1936 г. ведущая газета либералов-конституционалистов писала: «Мы не ошибемся, если скажем, что в Египте находят сторонников идеи как парламентаризма, так и фашизма, и мы, вероятно, не ошибемся, если отметим, что фашистский дух пользуется более горячей поддержкой, чем парламентский»²⁷. Именно в это время раскрылись выдающиеся качества Наххаса, который, опираясь на массы, возглавил энергичную борьбу в парламенте и вне его против наступления объединенных сил реакции.

Только с учетом конкретной исторической обстановки можно по-настоящему оценить роль, которую сыграли полувоенные формирования синерубашечников, созданные Вафдом, чтобы противодействовать отрядам зеленору-

башечников партии «Молодой Египет» («Мысль аль-Фатат») и фаланг «братьев-мусульман». Синерубашечники превратились в важный феномен политической жизни страны, символизируя могущество Вафда в период его пребывания у власти в 1936—1937 гг. При этом создание вафдистских формирований объяснялось не увлечением модным в то время фашизмом, как считают многие авторы, а необходимостьюнейтраллизации политических оппонентов партии. Точно так же объективную оценку англо-египетскому договору 1936 г. можно дать лишь в том случае, если принять во внимание международную и внутреннюю обстановку, которая сложилась накануне второй мировой войны.

К заслугам Наххаса следует отнести и тайную поддержку им «Вафдистского авангарда» (левого крыла партии) в первые послевоенные годы, денонсацию в октябре 1951 г. упомянутого англо-египетского договора, наконец, формирование отрядов освобождения («фидиаев»), помощь оружием и содействие в развертывании вооруженной партизанской борьбы в зоне канала в 1951—1952 гг. против английских оккупационных войск. Многие историки вплоть до настоящего времени не оценили по достоинству роль престарелого Наххаса в освободительной борьбе египетского народа в критические послевоенные годы.

Политические противники не раз обвиняли руководство Вафда и самого Наххаса в коррупции и злоупотреблении властью. Широкую известность приобрела «Черная книга», написанная ближайшим сподвижником Наххаса — В. Макрамом Убейдом, который был исключен из партии в 1942 г. В этом памфлете много справедливых разоблачений и обвинений по адресу ряда вафдистских руководителей, погрязших в подкупах, фаворитизме, интригах, замарашивших себя бесприципными поступками. Но в нем содержится и откровенная фальсификация и клевета в отношении Наххаса. И хотя вскоре стало известно, что вызвавшая бурю в политических кругах книга написана при поддержке и участии двора, она поколебала престиж партии и содействовала усилиению оппозиции (движение «Свободные офицеры», марксистские организации и Ассоциация братьев-мусульман).

Наххас был глубоко трагической фигурой, ибо человек, сделавший так много для приближения революции, после ее победы в 1952 г. оказался не только отстранен от политической деятельности, но и предан забвению. Некоторые египетские историки при этом проводят историческую параллель, вспоминая Мухаммеда Фарида — лидера Национальной партии, который в период общенационального восстания, поднявшегося через несколько месяцев после окончания мировой войны, жил в эмиграции и умер в тиши в Швейцарии в ноябре 1919 г. и был похоронен в Берлине.

У советского читателя может возникнуть иная ассоциация — смерть Г. В. Плеханова 12 июня 1918 г. недалеко от революционного Петрограда в Питки-ярви (тогда Финляндия, ныне Ленинградская область РСФСР)

И только смерть Наххаса показала, что имя его и заслуги живы в памяти народной. Его похороны 24 августа 1965 г., несмотря на противодействие властей, вылились в массовую демонстрацию, в которой участвовали сотни тысяч человек²⁸, а смерть явилась началом бессмертия.

Начиная со второй половины 70-х годов интерес к истории Вафда стал возрастать — было переиздано немало старых и опубликовано много новых книг, написанных как вафдистами, так и невафдистами. Глядя с высоты нашего времени, когда утихли страсти, мы видим, какой мощью веет от фигуры

Наххаса. Весьма показательна в этом отношении точка зрения ас-Саида, не вафдиста: он характеризует Наххаса как вождя-титана, занимающего особое место в сердцах египтян, как личность выдающуюся и плениющую воображение, вызывающую чувства симпатии и любви, как личность, чистота, неподкупность и честность которой не подлежат обсуждению²⁹.

О незавершенности данной монографии свидетельствует и тот факт, что в ней не нашло отражения такое важное явление в политической и идеологической жизни Египта, как выход на историческую арену в 30-е годы авторитарных по своему характеру религиозно-политических организаций, которые утверждали, что только они способны решить задачи национального освобождения, а также нравственного и духовного очищения и обновления нации. Уже в середине 30-х годов они превратились в реальную и все возраставшую политическую силу, с которой нельзя было не считаться. Появление в общественной жизни страны панисламистских, ультранационалистических организаций было вызвано целым комплексом экономических, социальных, политических и идеологических факторов, среди которых выделим следующие: кризис мировой капиталистической системы, вызвавший цепную реакцию страха и неуверенности как в метрополиях, так и колониях; пагубное воздействие кризиса на социально-экономическое положение всех классов египетского общества, в том числе и вызванная им реальная угроза устойчивости крупного землевладения; неэффективность парламентской демократии в той карикатурной форме, которую она обрела в Египте; неспособность либеральных буржуазно-помещичьих партий решить важнейшие национальные задачи³⁰.

В этих условиях египтяне все чаще стали обращаться к исламу, пытаясь использовать его принципы для решения социально-экономических и национальных задач страны. В течение первой четверти XX в. в общественно-политической жизни Египта доминировали «западники», добивавшиеся ограничения влияния ислама и религиозных кругов. Апофеозом «западничества» стала вышедшая в 1926 г. книга «О доисламской поэзии»³¹, автор которой, один из крупнейших писателей страны Таха Хусейн, утверждал необходимость критического отношения ко всем историко-литературным памятникам, в том числе к Корану. Книга эта вызвала ярость шейхов мусульманского университета Аль-Азхар. Они обвинили замечательного мыслителя и писателя в ереси и государственном преступлении. Борьба вокруг книги перенеслась в парламент, где в обстановке бурных дискуссий часть депутатов выступила с требованием изгнать Таха Хусейна из Каирского университета. А в это время разгневанные азхариоты во главе с верховным шейхом организовали шумную демонстрацию, требуя предать книгу огню. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не вмешательство Заглула, который использовал весь свой авторитет, чтобы оградить автора книги от физической расправы. «Представьте себе, что ненормальный человек бредит на дороге,— заявил он,— разве это наносит какой-либо вред разумным?». Самый популярный и влиятельный египтянин не нашел иного способа, чтобы спасти жизнь Таха Хусейна. Реакция на эту книгу, как и судьба вышедшего годом раньше сочинения Али Абд ар-Разика³², свидетельствовала о происходивших в Египте глубинных идеологических сдвигах³³, результаты которых вскоре со всей очевидностью дали о себе знать.

30-е годы ознаменовались многозначительным подъемом интереса к исламу. Крупнейшие египетские мыслители, в том числе ведущие идеологи

буржуазного либерализма и сторонники модернизации, в прошлом связанные с западным секуляризмом, обращаются к исламскому наследию. Мощная исламская волна, захлестнувшая страну, захватила самых убежденных «западников». В 1933 г. выходит первая часть трилогии Таха Хусейна «Комментарии к житию Мухаммеда», а в 1936 г. известный писатель Тауфик аль-Хаким публикует «Книгу о Мухаммеде».

Если для одних увлечение исламом было в известном смысле данью моде или своеобразным способом самовыражения, то для других оно имело серьезные последствия, ибо оказало глубокое воздействие на их мировоззрение. Наиболее ярким примером может служить Мухаммед Хусейн Хейкал, крупный писатель и видный политический деятель, один из основателей и главный идеолог партии либералов-конституционалистов, а с 1943 г. и до ее роспуска в 1953 г.— председатель партии. Интересно, что в период травли Таха Хусейна (см. выше) последний, как и Али Абд ар-Разик, был связан не с Вафдом, а с газетой «Ас-Сийяса», редактором которой был Хейкал, смело защищавший своих единомышленников и коллег, в то время как из вафдистского лагеря раздавались критические заявления в адрес осуждаемых. В первой половине 30-х годов Хейкал коренным образом пересмотрел свое мировоззрение, перейдя от египетского национализма к исламу. В 1935 г. выходит его знаменитая книга «Жизнь Мухаммеда», которая многократно переиздавалась в Египте и других арабских странах.

Однако больше всего исламизации политической сферы способствовали идеи и практическая деятельность основателя и верховного наставника Ассоциации братьев-мусульман Хасана аль-Банны, духовное наследие которого на протяжении полувека является важным источником мусульманского фундаментализма, как экстремистского, так и умеренного течения.

Такие ключевые фигуры египетской политической жизни, как Исмаил Сидки, диктатор начала 30-х годов, и Али Махир, «сильный человек» Египта кануна второй мировой войны, не имея опоры в массах, пытались использовать «братьство» в своих интересах, понимая, какие потенции таинствует в себе хорошо организованная воинствующая мусульманская организация. Однако аль-Банна сумел искусно воспользоваться благосклонностью монархов и диктаторов для усиления ассоциации и превращения ее в один из существеннейших элементов политической жизни арабского мира. По нашему мнению, отсутствие анализа теоретической и практической деятельности исламских организаций, в первую очередь «братьев-мусульман», является главным недостатком настоящей работы³⁴.

Наконец, остановимся еще на одном важном вопросе.

В монографии преувеличивается значение разделения класса крупных египетских землевладельцев на два главных слоя — турецко-черкесско-албанский (позже его представителей стали именовать турко-египтянами) и египетский. Для XIX в. такое разделение было весьма существенным. Противоречия между этими слоями достигли апогея в период восстания Араби-паши (1879—1882). Однако после установления британского господства и с началом процесса консолидации обеих фракций и обуржуазивания земельной аристократии эти противоречия заметно ослабли, а различия стали стираться. В начале XX в. крупнейшие помещики большей частью были турко-египтянами, а крупные и средние — египтянами. Сохранявшиеся различия и параллельно протекавшая нивелировка двух фракций нашли отражение в деятельности

двух основных политических партий — Национальной (Аль-Хизб аль-ватани) и Народной (Хизб аль-умма). Руководство и члены обеих партий были преимущественно крупными землевладельцами, однако в первой преобладали турко-египтяне, а во второй — помещики египетского происхождения. Некоторые исследователи преувеличивают различия, существовавшие между двумя партиями, хотя идеологические споры вовсе не исключали сотрудничества между ними. Расхождения не носили принципиального характера, а противоречия нередко ограждали личное соперничество лидеров. Американский исследователь Э. Дэвис считает, что если на эти партии посмотреть с социально-классовой точки зрения, а не с личных или этнических позиций, то выяснится, что различия между ними значительно меньше. Зато в сфере экономики их интересы в основном были идентичны: каждый крупный помещик был тесно связан с мировым рынком, и все они зависели от спроса на мировом рынке (хлопка) и получения займов в иностранных банках³⁵.

В то время этническое происхождение уже перестало быть фактором, существенно разделявшим оба слоя господствующего класса. Турко-египтяне постепенно теряли свои специфические особенности, а этническое происхождение влияло лишь на семейные и частные связи. Участие бывших членов партии Аль-Умма и ватанистов в Вафде, в принципиально некоммуналистской партии, свидетельствовало о дальнейшем сглаживании различий между двумя слоями помещиков. В монографии А. М. Голдобина эта эволюция не учитывается. Между тем для характеристики Зивара и Адли Иегена гораздо важнее не их происхождение, а тот факт, что оба они представляли интересы крупнейших помещиков и были тесно связаны с дворцовыми кругами. На это можно было бы и не обратить внимания, но когда речь заходит о Сафине, супруге Заглула (получившей почетное имя «Мать египтян»), тут подчеркивание ее турецкого происхождения уже вообще ничего не дает, так как сама она всегда чувствовала себя египтянкой. То же самое относится и к лидеру Национальной партии Мухаммеду Фариду, турко-египтянину по происхождению, и к начальнику генерального штаба египетской армии Азизу аль-Масри (черкесского происхождения), оказавшему громадное влияние на формирование мировоззрения Насера и его ближайших соратников.

В заключение хочется выразить надежду, что издание монографии А. М. Голдобина будет благожелательно встречено советским читателем, живо интересующимся историей и современной жизнью народа Египта, тем более что по времени оно совпадает с восстановлением советско-египетских отношений в полном объеме.

Б. Г. Сейранян

СОДЕРЖАНИЕ

А М Голдоин и его монография	3
Г л а в а I Государственный строй Египта к концу первой мировой войны	20
Г л а в а II Экономика и социальные отношения в 20—30 х годах	41
Демография	41
Общие данные об экономике	43
Сельское хозяйство	44
Аграрные отношения	51
Промышленность	60
Транспорт	69
Внешняя торговля	71
Финансы и бюджет	75
Иностранный капитал	77
Национальная буржуазия	80
Рабочий класс	84
Г л а в а III Египет в период подъема национально освободительного движения (1918—1924)	88
Начало всенародной борьбы за независимость	88
Восстание 1919 года	120
Миссия Милнера	140
Англо-египетские переговоры в 1920—1921 гг	151
Восстание 1921 г и отмена протектората	164
Принятие конституции	170
Первое вафдистское правительство	181
Г л а в а IV Египет под властью буржуазно помещичьего блока (1924—1936)	209
Правительство Зивара	211
Блок Вафда с либералами и второе вафдистское правительство	221
Либеральная партия у власти	230
Гретье вафдистское правительство	236
Диктатура Исмаила Сидки	238
Подъем национально освободительного движения в 1934—1935 гг	248
Четвертое вафдистское правительство и заключение англо-египетского договора	264
Заключение	274
Примечания	276
Библиография	306

Научное издание

Голдобин Алексей Михайлович

НАЦИОНАЛЬНО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ
БОРЬБА НАРОДА
ЕГИПТА
1918–1936 гг.

Редактор *И. М. Дижур*

Младший редактор *Н. Н. Комарова*

Художник *А. Г. Кобрин*

Художественный редактор *Э. Л. Эрман*

Технический редактор *М. В. Погоскина*

Корректоры *В. М. Кошеткова и*

М. В. Малькова

ИБ № 16132

Сдано в набор 23.03.89. Подписано к печати 20.11.89. А-11094. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п.
л. 20,5. Усл. кр.-отт. 20,5. Уч.-изд. л. 25,33.
Тираж 1150 экз. Изд. № 6780. Зак. № 213.
Цена 4 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28